

Вырезка из газеты 4 МАЯ 1978

БАКУ
(ВЕЧЕРНЯЯ ГАЗЕТА)

г. Баку

УЛЫБКИ ГЕРОЕВ АРТИСТА

Штрихи к портрету

Заслуженный артист Азербайджанской ССР Михаил Лезгишвили учился в студии при Тбилиском русском драматическом театре. Закончить помешала война. Участник героической обороны Севастополя, служил на крейсере «Червона Украина» (мичман, палубный, командор), в Севастопольском морском полку. Последний тяжкий бой на последнем клочке земли — позади море...

стал необходим Рагно, жизнелюб и весельчак («Сирано де Бержерак» Э. Ростана). Герои Лезгишвили умеют щедро улыбаться. Сквозь эти улыбки проникаешься в души, в суть образов. Разве не проглядывает душа народа-жизнелюба в улыбке испанца Таконы, этого паута-слуги, брызжущего здоровьем и остроумием («Живой портрет» Морето)? Играя в «Миллионе за улыбку» А. Софронова, Лезгишвили, не задумываясь, соотносит название пьесы со своим героем, Бабкиным. Действительно, его улыбка смешная, но добрейшая, и очень нужная друзьям-товарищам. На улыбке — нескончаемой, во множестве вариаций и оттенков — проводил он роль Ведущего («Улица трех соловьев» Добричанина), покоряя зрителя...

И вот другая группа образов его героев, тоже в большинстве весельчаков, тоже улыбающихся. Но-чу! Улыбается дедец от искусства «живописец-баталист» Бельведонский. Не улыбка, а улыбочка, чтобы легче было приспосабливаться, пристраиваться к главнапцусам-Победоносиковым. Это — группа веселых скептиков, убежденных, что если стоит жить, то только для себя: Бельведонский («Баня» В. Маяковского), Приходько («Тяжелое обвинение» А. Шейнина), Петербоно («Бал воров» Ж. Ануя), Жорж Милославский («Иван Васильевич» М. Булгакова) и др. Наконец, третья группа образов в «диапазоне ответственности» артиста. И здесь улыбки.

...Улыбка Крутика, продажной шкуры («Барабанщица» А. Салынского). Ответственно заставить зрителя не усмотреть в этих улыбочках ни малейших, смягчающих вину оттенков, обнажить в «веселых скептиках» волчий оскал. И Лезгишвили делает это. Часовщик Яковлев («Фальшивая монета» М. Горького); убеждение, что человек — пакость, дает неисправимую кризису его душе, мозгам, улыбка. Даже у такого безобидного, казалось бы, обывателя, как Карлос («День рождения Терезы» Г. Мдивани), «веселый скепсис» обретает злое

оттенки. А вот у Абульфаса, спекулянта и стяжателя («Кто придет в полночь» М. и Р. Ибрагимбековых), он, этот скепсис, опасно пляшет веселую карилью, чуть не умячая этим весельем зрительское восприятие — нет: смех зрителя, от сцены к сцене, перекаляется в гнев, презрение. Каким же огнем-жаром? Жаром неприятия артистом-гражданином зла, вероломства, приспособленчества. Теплом улыбок курда Мусы, испанца Таконы, француза Рагно, «нашенских» Каюткина, Бабкина...

С годами творческий климат, в коем совершенствуется мастерство артиста, становится все более «континентальным». В нем все отчетливее определяются полюсы — тепла и холода. В зависимости от своей природы, тот или иной образ тяготеет к тому или другому полюсу, вплоть до полной «поляризации» — отношения к данному образу артиста, его к нему теплоты или холода, мягкости, доброй теплоты или жесткого полюсного холода. И соответственно — в тех же градах и степени мягкости или жесткости, доброты или недоброты, — улыбки. Без которых не может обойтись ни один герой артиста.

Из последних работ наиболее примечательны Брюхатый («Энергичные люди» В. Шукшина) и звенк Еремеев («Прощальным летом в Чудимске» А. Вампилова). По свидетельству артиста, оба ему дороги. Образы! Именно потому, что к самым героям его отношение полярно противоположное. Одного из них, охотника звенка, он очень полюбил, к другому относится так... ну, как, скажем, мог бы, как должен был бы отнестись к нему сам этот полюбившийся артисту герой, старый звенк. С такой широкой, доброй и открытой улыбкой, доведись Еремееву столкнуться в жизни с Брюхатым (предположительно, конечно, — они из разных пьес и, понятно, у них — никаких точек соприкосновения), старик должен был бы возненавидеть главу «подпольного синдиката» хапут. Если бы раскусил его. В чем, правда, заставляет усомниться та же его улыбка —

человека добрейшей и наимилейшей души. Прожить такую долгую трудовую жизнь в тайге, и не позаботиться о надвигающейся старости, о пенсии. Ни одной справки! Зачем бумажки? «Бумажкам верят, человеку не верят?»... А улыбка все не сходит с его лица. Уже сквозь слезы. Но и не без надежды и даже не без уверенности, что не оставят же его, старика, в беде наши люди, хорошие, добрые люди.

...Улыбаются и Брюхатый. И такая в улыбочке этого «энергичного человека» недоброта — недоброта цинизма, что коснись ее вдруг Еремеев, — прозвонит презрением за то, что он такой неэнергичный в заботе о своем личном благе, за то, что неспособен в этой заботе стержневать, оборачиваться нечеловеком, хапутой, рвачем-стяжателем... Здесь Лезгишвили — сатирик. А в роли Стефана Спеттайка («Где Чарли?») погружается в стихию добродушнейшего юмора. И улыбки у Спеттайка такие добродушнейшие! Чувство жанра всегда умственно и необходимо. Но есть у артиста и другие, к счастью, не менее развитые чувства, которые к добродушнейше-юмористическому Спеттайку с его неделей, вздохом, гонкой за миллионами могли бы прибавить не без пользы и иных красок, чуточку сатирически-брюхатинских... Это — чувства, дающие ключ ко всем жанрам. И которые дали ключ к решению образа Фроловского в «Протоколе одного заседания», спектакле, посвященном XXV съезду партии... Нет, на этот раз герой артиста не улыбается... Отказ бригады Потапова от премии заставил диспетчера стройки глубоко задуматься... И то, что и как сказал Фроловский-Лезгишвили на заседании парткома, скажет зрителю многое... Уж во всяком случае о самой диспетчерской службе.

Вал. БОГУСЛАВСКИЙ.